

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук С.А. Штыркова

на диссертацию Давыдовой Алёны Сергеевны

«Строительство православных храмов на Кольском Севере

в конце XX – начале XXI вв.: представления и практики»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности
07.00.07 этнография, этнология и антропология

Жизнь православных общин в современных городах представляет собой для российской социальной антропологии новую и недостаточно изученную тему, в особенности, если говорить о жанре диссертационного исследования, основанного на многолетних наблюдениях. Мы, как это не покажется странным, потребляя вольно или невольно большое количество репрезентационных текстов о современном российском православии, имеем на удивление мало эмпирических исследований на эту тему, особенно изложенных с вне-конфессиональной позиции. Для примера напомню непрекращающуюся историю про преподавание основ православной культуры в школе: все про это знают, большинство имеет свое мнение, но мало кто интересуется, что происходит на этих уроках, кто их ведет, и т.д. А.С. Давыдова взялась за нелегкий труд, выяснить, как воспринимают строительство храмов жители малых городов, т.е. как этот аспект церковной жизни определяет их социальную реальность. И именно в подобной постановке вопроса состоит *актуальность* данного исследования.

Научная *новизна* рассматриваемой в данном отзыве диссертационной работы заключается, прежде всего, в выборе самого предмета исследования, но не в последнюю очередь и в том, что объектом изучения стали не только члены православных общин, но и люди в эти общины не входящие, а зачастую и последовательно дистанцирующиеся от мира православия. Полученная картина отличается объемностью и многогранностью, которыми не может похвастаться подавляющее большинство работ на эту тему, характеризующиеся нормативным, а порой и прямо апологетическим подходом к рассматриваемым явлениям. Сбор и анализ материала на тему «представления о положении вновь построенных храмов в городском пространстве» сочетает в себе традиции антропологического изучения религии и антропологии города, что во многом определяет заметное место в академическом процессе, которое занимает диссертационная работа А.С. Давыдовой.

Итак, *объектом* исследования А.С. Давыдовой стали наши современники – жители городов центральной части Мурманской области (Апатиты, Кировск, Мончегорск, Полярные Зори), представляющие группы, различающиеся по принципу отношения их членов к церковной жизни и православной вере – неверующие (атеисты), представители духовенства, члены православных общин, воцерковленные верующие (регулярно посещающие церковь, знакомые с православным обиходом, участвующие в обрядах, но не являющиеся активными членами приходов), и, наконец, невоцерковленные верующие, т.е. люди, по тем или иным причинам не стремящиеся к участию в повседневной приходской жизни и церковных таинствах. *Предметом* исследования стало то, что они думают и говорят об истории православия на Кольском Севере, своем к нему отношении и, главное, к тому, как, кем и где строятся новые православные храмы в перечисленных выше городах.

Цель своего исследования диссертант определяет следующим образом: «выявление основных культурных значений и интерпретаций, связанных с созданием новых православных церквей и культовых объектов в малых городах Мурманской области». При том, что остается не совсем понятным принцип различения «значений и интерпретаций» - возможно, это выражение синонимично «представлениям» и служит для того, чтобы избежать повторения этого слова – заявленная цель в ходе изложения материалов и аргументов автором успешно достигается.

Для достижения этой цели диссертант решает несколько *исследовательских задач*, а именно: выявляет представления городских жителей о Кольском Заполярье [в целом] как об особом духовном пространстве в аспекте размещения местных культовых объектов; определяет значение православных церковных сооружений в культурном пространстве малых городов Мурманской области; выявляет глубину и содержание знаний жителей городов Мурманской области об истории возведения православных церквей в регионе [другими словами, определяет содержание социальной памяти об истории церковного строительства в регионе]; [описывает] основные этапы возведения православных церквей и то, как эти этапы представлены в представлениях горожан; и, наконец, старается выяснить роль отдельных людей и групп городского населения в процессе создания православных церквей и других культовых объектов. Сразу скажу, что все перечисленные задачи были решены диссертантом успешно.

Методы сбора материала выбраны довольно традиционные для современной этнографии – это интервью, анализ прессы и «интернет-этнография», которые были дополнены работой с архивными документами.

Эти и другие необходимые характеристики диссертационного исследования, такие как актуальность темы, источниковая база и новизна исследования, его научно-практическая значимость и апробация, четко и полно изложены во Введении. В этой части работы некоторые вопросы вызывает лишь параграф «Степень научной разработанности темы», перегруженный большим количеством упоминаний работ, не имеющих прямого отношения к теме диссертации и никак, как мне представляется, не повлиявших на автора – по истории архитектуры (пример, «Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора»), общих историко-этнографических работ о православной жизни дореволюционной России (пример, «Иконы в народной жизни») или истории Кольского Севера. Отвлеченно говоря, создавая эту часть исследования, следует стремиться к тому, чтобы найти себе непосредственных или опосредованных собеседников, с которыми можно соглашаться или спорить, развивать их мысли или оспаривать их наблюдения. Вдохновить автора на подобные дискуссии могли бы несколько недавних работ по теме строительства и воссоздания православных храмов в постсоветских странах¹. Но если эти тесты остались по каким-то причинам нашему диссертанту неизвестными, не стоит, как мне кажется, столь уж увлеченно следовать дискурсивному этикету и компенсировать этот пробел коллекционированием ссылок на работы, далекие от темы исследования.

¹ Antonyan, Y. (2015) "Political Power and Church Construction in Armenia", in A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde (eds) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. New York: Routledge. 81–95.

Köllner, T. (2011) "Built with God or Tears? Moral Discourses on Church Construction and the Role of the Entrepreneurial Donations", in J. Zigon (ed.) *Multiple Moralities and Religions and Post-Soviet Russia*, New York: Berghahn Books. 191–213.

Köllner, T. (2013) "Businessmen, Priests and Parishes. Religious Individualization and Privatization in Russia", *Archives de sciences sociales des religions*. Vol. 162. 37-53.

Serrano, S (2010) "De-Secularizing National Space in Georgia", *Identity Studies* 2. 37-58.

Тошева Д. (2011) От восстановления храма к созданию общины: самоограничение и материальные трудности как источники приходской идентичности // *Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности* / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир. 277–297.

Основной текст диссертации состоит из четырех глав, в которых логично и последовательно решаются поставленные исследовательские задачи. Первая глава посвящена истории православия и, особенно, храмостроительства на Кольском полуострове. Вторая глава содержит исследование представлений жителей городов Мурманской области о Кольском полуострове как об особом духовном пространстве в связи с появлением (актуальном или ожидаемом) храмов в данном регионе. В третьей главе рассмотрены главные этапы возведения церквей и то, как строительство отдельных храмов фиксируется памятью горожан. В четвертой главе описывается то, как горожане представляют себе, кто и почему строит в их городах церкви. За заключением, в котором суммируются выводы отдельных глав, следует обширный справочный и иллюстративный аппарат, который помогает читателю лучше сориентироваться как в самом тексте, так и в представленной его вниманию фактуре.

Далее я изложу свои соображения о диссертации, следуя по ее тексту.

Первая глава представляет собой исторический очерк православия и православного храмостроительства на Кольской земле. Она не только дает нам общие сведения об этом вопросе, но помогает понять, с какими фактами работает социальная память местных жителей, предлагающих свое понимание того, что и как нужно или не нужно возрождать в данном регионе. Важными представляются детально изложенные сведения о том, каков был процесс согласования строительства церквей в разные эпохи. Замечу в этом контексте, что в одном месте мы встречаем повтор, когда нам сообщают как о чем-то новом, что «[с]троительство церквей в XVII–XX веках сопровождалось прохождением ряда бюрократических инстанций» [с.28]. Между тем на предыдущих страницах речь шла ровно о том же.

Из всего прочего, описанного в данной главе, отдельный интерес для историков русского православия представляет прекрасно прописанный сюжет о реконструкции храма в г. Мурманск, имевшей место в середине 1980-х и много говорящий о раннем этапе возрождении православной жизни в СССР [с. 44-45]. Приведу лишь одну фразу из этого повествования, предающую колорит этой истории: «Руководил строительством настоятель Георгий, которому неоднократно помогал секретарь горисполкома Е.Ф. Климентюк».

Вторая глава мне представляется самой сильной и во многом неожиданной по представленным там материалам частью диссертации. Связано это с тем, что в ней описаны попытки жителей малых городов этого региона концептуализировать в терминах большой истории и порой эсхатологии образ своего региона, который располагается весьма далеко от территорий, традиционно представляемых и прославляемых в качестве исторической святой Руси. Другими словами, этот регион, по представлениям обывателей, не имеет в прошлом ничего кроме строительства советских промышленных центров. Казалось бы, какая там может быть история, и особенно история православия?

Однако оказывается, что социальная память современных жителей северных городов имеет несколько ясных, отчасти конкурирующих друг с другом образов прошлого родного края. Первый, это образ насильственной, а значит, поверхностной христианизации саамов. Эта идея ярко проступает в высказываниях информантов, скептически относящихся к активности Русской православной церкви в данном регионе и, среди прочего считающих, что здесь не следует строить православные храмы [с.58]. Позволю себе добавить, что это мнение основывается на пресуппозиции, согласно которой настоящая природная вера неславянских народов естественным образом неправославна и, следовательно, изначально нерусская (неправославная, в духовном смысле) территория не может быть легитимно объявлена православной. Здесь антиклерикальное высказывание приобретает своеобразные антиколониальные коннотации, которые, возможно,

связаны с переживанием информантами своей северной идентичности – мол, тут у нас не то же самое, что в Москве златоглавой.

Православные предлагают свои версии понимания религиозной природы Кольского Севера. Согласно одной версии, он понимается, как органичная часть всего Русского Севера, что входит в диссонанс с нашим представлением об этом историко-культурном регионе – покрытом густыми лесами, пересеченном полноводными реками, на берегах которых стоят древние деревянные церкви и большие избы, заселенные не знавшими крепостного права суровыми крестьянами, по преимуществу, старообрядцами. В этом смысле город Апатиты не может быть Русским Севером. Но для географического воображения православных жителей тех же Апатит это не так, и для них их советский город находится ровно в той Северной Фиваиде, где и лесные монастыри преподобных отцов XV века.

В этом контексте строительство храмов на Кольском полуострове оказывается не нововведением, а восстановлением «естественного» статуса территории – на Русском Севере должны стоять православные храмы (ср. противоположное мнение «на саамской земле православным храмам нечего делать»). Интересно, что здесь образ центра тоже оказывается важным для осознания специфики локальной идентичности. Прочитав диссертацию: «Мифология Севера как территории «чистой» в духовном отношении, базируется на оппозиции «центру», которому часто присваиваются негативные черты «цивилизации». Эта идея поддерживается этнографическими исследованиями, в которых Север утверждается в качестве анклава традиционной русской культуры. В данном случае Кольскому Северу – по умолчанию – приписываются свойства Русского Севера в целом, в противоречии с тем, что утверждается в отношении его «саамского» и «безрелигиозного» прошлого» [с. 65-6]. Парадоксальным образом получается, что Кольская земля через включение ее в Русский Север вытягивается (задним числом) в поток русской (православной) истории и новшества (в т.ч. появление церквей в советских промышленных городах) начинают восприниматься в терминах восстановления традиций.

Еще одним интересным топосом, применяемым в местном «духовном краеведении», является образ Кольского Севера как «вотчины князя тьмы», поля битвы между силами добра и зла. Возможно, этот образ был изобретен церковным историком и публицистом еп. Митрофаном (Баданиным), большим любителем ярких исторических образов. Могу предположить, что эта картина царства тьмы, где ее князь воздвиг свой трон [с. 62], возникла при соединении двух идей. Первая отсылает к языческой предыстории края, в котором господствовал шаманизм – служение «древней нечисти этих мест», до сих пор как-то представленной в ландшафте [с. 116] – мотив, хорошо известный по агиографии северных святых. Вторая трансформирует в эсхатологическое рассуждение о последней битве нью-эйджерский нарратив Гипербореи, важное место в котором занимают Кольский полуостров и т.н. трон Одина, обнаруженный любителями альтернативной истории на одном из беломорских островов. Но, так или иначе, возникает довольно типичный образ ожесточенной схватки между миром святости и нечестия (языческого или коммунистического), который указывает и на особую миссию православия на этой земле (духовный фронт православной ойкумены) и на статус Кольского Севера как локуса, где присутствует особая святость, которая и заставляет ополчаться силы тьмы на любое по-настоящему святое начинание – в т.ч. и на строительство храма.

Довольно последовательно мотив духовного освоения Кольской земли представлен в рассуждениях информантов А.С. Давыдовой о том, где стоит строить храмы. Многие из них мечтают возвести храм в красивом тихом месте, на лоне природы: «Вообще, самое подходящее место, мне кажется, это вот как раз природа. Какая-то возвышенность. Возле водоёма» [с. 72];

«Вообще хотелось бы построить храм где-нибудь подальше от цивилизации, на природе, храм нужен для души, посидеть подумать о душе» [с.70]. Хотя в последнем высказывании главным смыслом можно назвать поиск «духовной экологии», это рассуждение передает и желание сделать из Мурманской области Святую Русь. Ее же нельзя представить без церкви, вписанной в ландшафт, максимально слитой с ним. Ср. диалог между православной и неправославной подругами, созерцающими пейзаж: «Эх, какая красота! Вот бы здесь бы храм поставить или часовенку!» Я ей: «Ну, приплыли, как красота, так сразу давайте храмы ставить!» [с. 72]. Понятно, что для первой героини этого краткого свидетельства церковь или часовня придали бы целостность наблюдаемому ландшафту, наполнив его высшим смыслом, в то время как для второй – разрушили бы целостность и святость нетронутой человеком природы. Эти мои соображения, конечно, не являются замечаниями, а только советами продолжить анализ материалов в предложенном направлении.

Тема принципиально разного подхода православного и неправославного люда к пониманию того, что есть хороший храм, проявляется и в другом аспекте восприятия церковных строений. Если для вторых (неправославных) принципиально важна красота и оригинальность строения, его вписанность в городской ландшафт, то «для воцерковленных информантов, как и для членов общин, характерно восприятие церковного сооружения как “Божьего дома”, поэтому особого значения архитектуре не придается, но имеют значение внутренние свойства – “домашность”, “уют”, “теплая атмосфера”» [с. 76]. Обе стороны видят церковь с разных точек зрения: одни – снаружи, другие – скорее, изнутри.

Сравнение двух принципиально разных подходов к феномену храма продолжается и в третьей главе («Процесс строительства»). После очень ясных и хорошо изложенных описаний юридических и канонических процедур, определяющих процесс храмостроительства, мы находим очень интересное наблюдение. Выясняется, что у «тех [горожан], кто не имеет прямого отношения к жизни церкви, вызывают неодобрение храмовые строения, реконструированные из других зданий, поскольку в них изначально не была заложена идея культового объекта» [с. 92]. Кроме того, оказывается, что для нецерковных людей оказывается важной такая сугубо церковная характеристика храма, как намоленность [с. 96; с.101]. Сами же церковные люди этому уделяют меньшее внимание – они готовы участвовать в литургии, проводимой в бывшем магазине или школе и не задумываются над возрастом своего храма. Этому диссонансу есть два объяснения. Во-первых, часто прихожане новых храмов живут в тех местах не столь долго, как не-прихожане (они как раз через церковную жизнь компенсируют дефицит социальной укорененности и локальной идентичности). А местные лучше них знают, что было в том здании прежде – они там в магазине соль покупали. А во-вторых, именно люди мирские оказываются в нашем обществе особенно требовательными к соблюдению дюркгеймовского принципа определения сакрального – как отделенного от секулярного и запрещенного (для использования в секулярных целях). Здесь сталкивается логика секуляризации (религия должна оставаться в отведенных для нее местах, покидая которые она утрачивает свои положительные качества и превращается в (плохую) политику, экономику и пр.) и десекуляризации, которая стремится размыть границы между религией и культурой, конфессиональной идентичностью и этничной и т.д.

Позволю себе высказать еще несколько соображений по поводу этой главы.

На с. 91 идет речь о построенной на скале церкви в Апатитах и посвященных ей стихах. Мне кажется, что при анализе подобных тестов стоит учитывать библейские реминисценции. Здесь речь идет о популярном образе Господа как скалы («Господь — твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище

мое» (Псалтирь 17:3)) и притчу из Нагорной проповеди о доме, построенном на камне (Мф. 7: 24-27).

На с. 97 речь заходит о намоленности как важном качестве святыни. Об этом есть специальная работа, которую стоило бы упомянуть: Кормина Ж. «Святая энергетика намоленного места»: о языке православных паломников // *Natales grate numeras?*: Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2008. С. 251-265.

На следующей странице [98] в связи с проблемой выбора участка для строительства будущего храма автор вспоминает об обряде пускания по воде иконы для поиска места для церкви, нам по этнографическим источникам неизвестного, но зато представленного в традиции этиологических преданий, по которым его реконструирует Н.А. Криничная, убежденная в том, что это древний русский обычай. Во-первых, я бы поостерегся видеть в преданиях описания актуальных ритуальных практик. Во-вторых, икона или другая святыня, определяющая сама, где (в нашем случае – в какой церкви) ей надлежит быть, является мотивом довольно широко распространенным и за пределами Руси, как бы мы не понимали значение этого концепта.

Впрочем, этот экскурс в область традиционной этнографии не влияет на общую логику изложения, как и два других сюжета – о социальных функциях нарративов о наказании кощунников [с. 102] и о местах захоронения некрещеных младенцев [с. 103]. Все эти предметы не упоминаются в полевых материалах автора и не имеют прямого отношения к основным рассматриваемым в диссертации темам. Кроме того, они требуют более внимательного и осторожного анализа, для которого в тексте диссертации просто нет места. И если речь пойдет о превращении диссертации в книгу, их, по моему мнению, стоит исключить из текста.

А вот один нарративный сюжет, который отражен в нескольких вариантах в материалах автора, стоит, как мне кажется разработать подробнее. Речь идет о свидетельстве о чуде явления звезд над куполами вновь построенного храма. Явление это было зафиксировано на фотоаппарат, что вводит этот нарратив в круг рассказов о сфотографированных чудесных явлениях, которым посвящены специальные работы².

Еще одно замечание касается параграфа «§ 3.4. Строительная жертва», вернее, его начала. Диссертант видит в нескольких рассказах, в которых строительство современной церкви оказывается соотнесённым со смертью человека, что-то (я не понимаю что именно), что связывает представления современных горожан о строительстве храма и практику «жертвоприношения при закладке дома» [с. 109-110]. Я, признаться, не понимаю, как разные по принципу построения связи между смертью и строительством рассказы могут толковаться как свидетельства нарративного рудимента старого и неизвестного информантам А.С. Давыдовой обычая. Хотя в принципе что-то похожее на строительную жертву в наших свидетельствах можно найти. В качестве таковых могут быть рассмотрены строители северных городов, т.е. спецпереселенцы, которые выступают для современных горожан в роли первопредков, которые терпением, молитвой и мученической смертью заслужили для потомков право иметь храм в тех городах, которые были построены таким трудом. (Ср. «Строительство церкви предполагает «жертвенность» и пожертвования со стороны не только непосредственных участников этого процесса, но и всего городского населения» [с. 115]).

² Wojcik, D. "Polaroids from Heaven: Photography, Folk Religion, and the Miraculous Image Tradition at a Marian Apparition Site" *Journal of American Folklore*, Vol. 109 (1996). 129-48.

Pagliarioli, J.C. "Kodak Catholicism: Miraculous Photography and its Significance at a Post Conciliar Marian Apparition Site in Canada" *The Canadian Catholic Historical Association*, Vol. 70 (2004). 71-93.

К последней главе у меня практически нет замечаний – она логично написана, аргументы выглядят убедительно, а иллюстрации – красочно. Только один раз приведенные цитаты идут в разрез с тем, как их интерпретирует автор. Речь идет о причинах недоверия горожан к некоторым священникам, и примером тому должна служить история про батюшку, отвевшего самоубийцу, после чего народ, как предлагается нам считать, и отвернулся от того храма, где тот священник служил. Но цитаты из интервью говорят скорее о том, что природа этого избегания кроется в том, что люди считают, что то самоубийство произошло в самом храме и храм, вследствие этого, потерял сакральную чистоту [с. 132].

К достоинствам главы нужно отнести то, что она закрывается параграфом «§ 4.4. Священнослужители и церковный актив», в котором понятие «строительство церкви» начинает использоваться в метафорическом смысле как обозначение процесса создания церковной общины. Это делает текст исследования открытым к дальнейшему продолжению изучения православной жизни в современном российском городе.

Все высказанные замечания (большая часть из них является скорее рекомендациями) не в малой степени не влияют на высокую оценку данного диссертационного исследования. Я хотел бы отметить обоснованность сформулированных в диссертации научных положений и выводов и их достоверность. Диссертационная работа А.С. Давыдовой представляет собой завершённое исследование, в котором автор на основании большой совокупности полевых материалов и письменных источников четко и логично описала и проанализировала представления жителей ряда малых городов Мурманской области о строительстве православных храмов.

Автореферат адекватно отражает содержание рукописи диссертации. По теме диссертации ее автором опубликовано 19 работ, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК. В целом, диссертация А.С. Давыдовой по своему теоретическому уровню, научной новизне и практическому значению полностью удовлетворяет требованиям пп.9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор А.С. Давыдова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент,

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.3

тел. +7-812-328-41-61 (shtyrkov@gmail.com)

Сергей Анатольевич Штырков

С.А. Штырков

